

Оригинал здесь - <http://pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1158>

КОПЬЕВ (Копиев) Алексей Данилович [1767 -- 5 (17) VII 1846]. Сын пензенского вице-губернатора Д. С. Копьева. С 1775 записан в гвардию, 10 июля 1778 произведен в сержанты Измайловского полка. Быстрое продвижение К. по службе началось после 1791 одновременно с фавором П. А. Зубова, который взял его в свой штат, где К. вскоре достиг чина армейского подполковника. По замечанию В. Н. Головиной, К. был "человек умелый, но очень скверный, сущий паразит, увивавшийся около вельмож". В 1794 К. участвовал во взятии Варшавы и преследовании инсургентов, во время которого направил непосредственно императору Фридриху-Вильгельму вызывающее письмо по поводу отбитых русскими у поляков, но присвоенных пруссаками орудий. Приказом Павла I от 2 мая 1797, отданным в Москве, К. за какую-то выходку ("дурное поведение") подвергся четырехмесячному аресту, а затем был отправлен в армейский полк. Предполагается, что с этим эпизодом биографии К. связана эпитафия Г. Р. Державина "На падение Фаэтона" (1798). Известно прошение К. к императору от 31 марта 1797 из Невеля, где он состоял в Псковском драгунском полку, о помиловании и о предоставлении отпуска в связи со смертью отца (РГИА, оп. 43, No 480, л. 63).

В начале александровского царствования, ок. 1802, К. возвратился в Петербург, получил в соответствии с выслугой лет чин генерал майора и продолжил службу. В 1808 вместе с И. А. Тейльсом и Н. Ф. Эминым К. состоял членом Комиссии рассмотрения финляндских дел до ее ликвидации в 1810. После войны 1812 К. продал свою финскую мызу гр. Армфельду и купил имение Пустынка на берегу Тосны, рядом с имением Воронцовых, послужившее причиной вражды между соседями. В 1827 К. заочно избрали членом Комиссии для составления дворянской родословной книги Шлиссельбургского у., однако по справке оказалось, что он уже не имел собственности в Финляндии (РГИА, ф. 1286, оп. 4 (1827 г.), No 560). Позднее К. многократно покупал и продавал др. небольшие имения вблизи Петербурга (напр., с. Никольское в Шлиссельбургском у., где вел тяжбу с местными мастерами, -- РГИА ф. 472, оп. 1, No 954). В 1828 он продал казне на снос петербургский дом у Чернышева моста (за 220000 руб. с рассрочкой на 20 лет), а затем до 1831 добивался выплаты всей суммы досрочно (РГИА, ф. 1286, оп. 4 (1828 г.), No 220).

С кругом писателей и журналистов нач. века К. не общался, занимаясь торгами и подрядами, но его хорошо знал дворянский и служилый Петербург. По воспоминаниям современников, в старости он отличался скупостью, неопрятностью, алчностью, циничным пренебрежением к общему мнению. Незадолго до смерти он проклял и лишил наследства единственного сына Юрия, замешанного М. С. Воронцовым в скандальный процесс и лишенного флигель-адъютантского звания.

Как герой литературного фольклора К. был известен более, чем как литератор. Современники циклизовали вокруг личности К. массу легендарных подробностей и анекдотов, характеризующих его как принципиального фрондера (что маловероятно), шутника, остряка и балагура, человека переменчивой судьбы. Согласно мемуарам и семейным преданиям, К. воспитывался в Пензе вместе с будущим министром полиции А. Д. Балашовым, тринадцатилетним юношей прибыл в полк и прославился здесь своими проказами и насмешками над командиром А. И. Арбеньевым. В Петербурге К. будто бы некоторое время жил в доме кн. Вяземской (урожд. Трубецкой); в нач. 1790-х гг. был обручен с Т. И. Белосельской (в замуж. Бахметево; А. Д. Янькова относит приписываемый К. в связи с этим Н. В. Туркестановым экспромт к Ф. С. Лужину и др. княгине Белосельской-Белозерской) и сватался за Д. М. Кутузову-Голенищеву (в замуж. Опочинину), но оба брака расстроились. Понравившись Зубовым, он стал чем-то вроде шута в их свите. Благодаря их покровительству, за три производства он шагнул из сержантов гвардии в подполковники и вошел в число придворных кавалеров при Густаве IV Адольфе, женихе вел. княжны Александры Павловны. Смерть *Екатерины II* застала К. в Пензе у родных. По возвращении на службу он попал в крепость, а затем в ссылку -- в полк, размещенный в Финляндии. Разнообразнее всего варьируется мемуаристами эпизод со ссылкой К. А. С. Шишков, Н. И. Греч, Ф. Ф. Вигель рассказывают, что К. вызвал гнев Павла, появившись на вахтпараде в утрированном до смешного гатчинском мундире. По одной из этих версий, К. добился смягчения своей участи шутливыми письмами к императору из крепости и был возвращен на службу, но удален из столицы; по др. версии (С. Д. Полторацкий, Н. В. Туркестанов), К. усугубил свою вину стихами, адресованными худородному обер-полицеймейстеру Е. М. Чулкову: "Отец твой был Чулок, а мать твоя Тряпица...". В Кексгольме К. будто бы был разжалован в солдаты, то ли за шутки над новыми порядками, то ли за дуэль с кн. Долгоруковым, и лишь его молодой жене (Анне Констанции, дочери бывшего кавалергарда барона Карла Шкотта) удалось испросить прошение мужу (либо у Павла, либо у Александра I -- сведения не совпадают). Более вероятным представляется мнение, что К. помогли вернуться в столицу Зубовы и П. А. Пален в тот короткий промежуток времени, когда они еще обладали влиянием на Александра I.

Известность К. как оригинала и колоритной бытовой фигуры засвидетельствована самими